Ольшевский В. Г. Социально-гуманитарные науки – к синтезу с естественнонаучным знанием или Деньги в истории советского общества и современные проблемы // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество : монография. Кн. 28 / Д. Е. Барашева, Л. С. Бороненкова, И. Г. Долинина и др. Новосибирск, 2016. С. 107–155.

Преображенский Е. А. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920.

Программы и уставы КПСС. М., 1969.

Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции : в 2 т. Т. 1. М., 1925.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 янв. 1934 г. // Сталин И. В. Соч. : в 18 т. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Финансовая энциклопедия / под общ. ред. Г. Я. Сокольникова и др. 2-е изд. М. ; Л., 1927.

УДК 94(470.5).084.3/.084.5:631.1

О. М. Семерикова

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1918–1925 гг.)*

В статье рассматривается политика партии большевиков по реализации идеи сельскохозяйственной трудовой коммуны в контексте коммунистического проекта по созданию новой социалистической реальности в деревне. Выбор регионального измерения позволил осветить особенности процесса создания и функционирования сельскохозяйственных коммун на конкретной территории в 1918–1925 гг. На основе архивных источников были выявлены объективные препятствия в осуществлении большевистского проекта: нежелание основной массы трудового крестьянства идти по пути социалистической трансформации производственных отношений; ограниченные сроки жизнедеятельности коммунальных хозяйств в результате столкновения утопических представлений с индивидуальными интересами и трудовыми возможностями коммунаров, механизмами рыночной экономики. Установлены также регулирующие ресурсы власти по сохранению данной модели социалистического производства (правовые, налоговые и финансовые привилегии; курирование и активное участие в вопросах управления и жизнедеятельности хозяйств).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Семерикова О. М., 2017

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, коммунистический проект в деревне, история Урала XX век.

Изменение политической ситуации в октябре 1917 г. предопределило дальнейшее развитие России на долгие десятилетия вперед. С этого времени начинается реализация коммунистического проекта в деревне, направленного на коренную ломку производственных отношений. В основе большевистского проекта по социализации деревни лежали идеи теоретиков коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ульянова (Ленина) (дополненные теорией и практикой социалистов-утопистов) об абсолютном доминировании крупных форм производства над мелкими и в свою очередь коммунистических форм над капиталистическими. В наиболее сжатом виде у Маркса это выглядело следующим образом: «Вся критика мелкой земельной собственности, в конечном счете, сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия» [Маркс, с. 378].

Историографический интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунам в Советской России появился с самого начала их возникновения. Обращение к данной теме происходило в контексте пропаганды и борьбы с идеологическими противниками, анализа разных видов коллективного хозяйства и статистике по ним [см.: Дышлер; Маслов; Сельскохозяйственные коммуны...]. Начиная с 1920 г., коммуны в связи с изменением идеологической линии партии постепенно потеряли статус высшей коллективной формы хозяйства, а с публикацией статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» [см.: Сталин] оказались в историографическом забвении. На сегодняшний день существует лишь несколько специальных работ, освещающих деятельность руководства страны и некоторые страницы жизни сельскохозяйственных коммун на общероссийском [Гришаев; Дюран] и региональном [Усатова; Якушев, 2010; Якушев, 2012] уровнях, что актуализирует тему в рамках изучения раннесоветского общества, в том числе на основе метода социального проектирования.

Цель данной статьи – проследить процесс и степень реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна».

Началом целенаправленного конструирования новой коммунистической реальности в деревне необходимо считать издание «Основного закона о социализации земли»[1].

---

[1] Принят 18 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержден ВЦИК 27 января 1918 г.

До этого в «Апрельских тезисах» В. И. Ленина, в Декрете о земле 26 октября 1917 г. были прописаны лишь общие представления о трансформации в аграрном производстве в соответствии с программными установками партии большевиков и политической ситуацией соответственно. В законе «О социализации земли» впервые было определено качественное превалирование коллективных форм хозяйства над индивидуальными, прописаны их виды (коммуна, артель, ТОЗ), а также декларировалась их всемерная поддержка со стороны советского социалистического государства [Основной закон, с. 416].

Оптимальной коллективной формой в аграрном производстве была определена сельскохозяйственная трудовая коммуна. Отметим, что это обстоятельство было вызвано двумя параллельными процессами, происходившими одновременно. С одной стороны, это стихийный процесс создания сельскохозяйственных коллективов уже осенью 1917 г. (в том числе и коммун), с другой – существование в большевистской теории концепта «коммуна» как наивысшей формы производственного и общественного сотрудничества и стремление в его реализации.

Стоит указать, что В. И. Ленин как исключительно прагматичный политик осознавал неготовность основной массы населения к восприятию и участию в создании коммун[2]. Тем не менее реальные факты появления сельскохозяйственных коммун осени 1917 – весны 1918 г. способствовали, на наш взгляд, переосмыслению большевистским правительством идеи о длительном процессе врастания крестьянской массы в социализм и появлению у него задачи на ускорение процессов коммунистической перестройки сельского хозяйства через всемерную поддержку и помощь новым коллективам. Тем более что новые коммуны стали рассматриваться как основные центры пропаганды социалистического уклада жизни для окружающего крестьянского населения и, соответственно, средство борьбы с политическими противниками.

На протяжении 1918 г. закон о социализации земли был дополнен корпусом подзаконных актов [см: Инструкции и положения...], созданием

[2] В работе «Государство и революция» 1917 г. В. И. Ленин вслед за Марксом указал на длительность перехода от капитализма к высшей стадии коммунизма через социализм (иначе диктатуру пролетариата) [Ленин, с. 94]. И, следовательно, появление социалистического производства на крестьянских землях, по мнению лидера большевиков, было возможно нескоро (в противовес процессу создания советских хозяйств на национализированных землях, доля которых в общей массе земельного фонда страны была невелика).

организационных структур[3] [Аграрная политика..., с. 408–410] и специального денежного фонда[4] [Там же, с. 399, 403, 415–416], а также осуществлением широких пропагандистских мер (деятельность инструкторов, выступления лидеров партии, статьи в периодической печати, издание книг и брошюр). В результате этого в 1918 г. действительно резко возросло количество сельскохозяйственных коммун как в абсолютных показателях, так и в сравнении с другими коллективными формами. Максимальная концентрация коллективов присутствовала в Центральной России[5].

В уральской деревне ситуация в 1918 г. была несколько иная, что обусловило незначительные показатели по сельскохозяйственным трудовым коммунам. По подсчетам В. В. Гришаева в Пермской губернии в 1918 г. было организовано 23 коллектива [Гришаев, с. 35]. Их сроки существования чаще всего ограничились одним хозяйственным годом. Это было вызвано во многом низкой материальной базой, нестабильной политической обстановкой и слабым влиянием большевиков на местных уровнях власти в условиях начавшейся Гражданской войны. В данной статье будет проанализирован процесс появления и деятельность коммунальных хозяйств в западной части Пермской губернии (с 1924 г. вошедших в состав Уральской области)[6]. Особенностями данной территории явились минимальное количество коммун даже по сравнению с Зауральем (на 27 января 1921 насчитывалось только 21 коммуна, причем в Чердынском уезде их не было вообще) [Подсчитано по: ГАПК. Ф. Р-112.

---

[3] «Инструкция для организации бюро коммун», утвержденная Наркомземом от 17 августа 1918 г.; «Положение об инструкторах по коммунам», утвержденное Наркомземом от 17 августа 1918 г.

[4] Постановление Совнаркома «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун» от 2 июля 1918 г.; Постановление Совнаркома об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды землеьных органов и организацию земледельческих коммун от 3 августа 1918 г.; Декрет Совнаркома «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» от 2 ноября 1918 г.

[5] Это было обусловлено близостью к столицам и крупным промышленным центрам, сложной экономической обстановкой, наличием крупного частного землевладения и значительного числа беженцев – основную часть сельскохозяйственных коммун организовали мигранты (городское и заводское население), либо местное активное население с некрестьянским опытом (служба в армии, найм, отходничество и проч.).

[6] Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Усольский и Чердынский уезды.

Оп. 1. Д. 219. Л. 4 – 4 об.], а также организация коммун почти исключительно партийными работниками и/или мигрантами (самодеятельность местных крестьян в этом вопросе носила единичный характер), имевшим слабое представление об особенностях аграрного производства на уральской территории. Видимо, эти отличительные характеристики повлияли на то, что в местном делопроизводстве по коммунам данной территории за 1922 г. присутствовал термин «госколхоз» [ГАПК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 192. Л. 57], предполагавший почти полное государственное обеспечение[7].

Таким образом, на региональном уровне мы наблюдаем наделение новыми смыслами коллективов, зарегистрированных как «коммуна», даже несмотря на новую экономическую политику, сохранивших привилегированный статус при осуществлении правовой, налоговой и материальной поддержки со стороны государства.

Примером коммунального строительства в западной части уральского региона в 1918 г. служит сельскохозяйственная коммуна «Опыт культуры» Чермодинской волости, Осинского уезда (зарегистрирована на уездном уровне 13 октября 1918 г.). В прошении от 23 сентября 1918 г. Русинов Иван Павлович, инициатор коммуны и одновременно заведующий отделом помощи уволенным воинам при Пермском губернском совете, указал: «Имею честь обратиться к Вам Глубокоуважаемый товарищ зав. лесным отделом за разъяснением и содействием не отказать мне с тремя товарищами поселиться на участке при заводе бывшего доверенного князя Голицина на р. Чекур по дороге на Шармейку между деревнями Чёкур и Чермода. Так как я, Русинов, проезжая по делам службы по уездам, и случайно натолкнулся на означенный бывший фанерный завод, который совершенно бездействует, и так как я коммунист и, кроме того, кузнец и слесарь, давно мечтая о трудовой и сельскохозяйственной коммуне и имея сведения, что уже означенный участок был отдан под таковые цели, но людям не сведущим с коммунальной жизнью и, кроме того, людям зажиточным, у которых дело совершенно расстроилось. Это я узнал из личных переговоров с тов. Васильевым, т. е. с членом той коммуны, который мне все рассказал и, кроме того, я лично осмотрел как плотину, так и постройки, и поэтому как заинтересованный в означен-

[7] Напомним, что статус государственных предприятий носили только советские хозяйства (совхозы), а коммуна в официальной терминологии обозначалась как «производственное и потребительское объединение (т. е. товарищество не только по работе, но и по распределению и потреблению)» [Бухарин, с. 241].

ной жизни, еще раз осмеливаюсь просить Вам не отказать мне в моей товарищеской просьбе» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 11 – 11 об.].

Из этого документа следует, что, как и большинство коммун в России в 1918 г., «Опыт культуры» была создана на бывшей помещичьей земле. Во-вторых, интересен стиль прошения – присутствует лишь небольшая доля революционной риторики («товарищ»), что наглядно демонстрирует постепенное внедрение в делопроизводственную практику революционной терминологии, а также опосредованно – слабые позиции большевиков в этот период на Урале. Последний вывод доказывает и последующая ситуация с выделом земли данной коммуне, где присутствовало затягивание процедуры: на 11 ноября 1918 г. отвода земли так и не произошло [Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 20, 26][8].

Материал по коммуне «Опыт культуры» свидетельствует еще об одном факте коммунального строительства 1918 г.: попытке непролетарских и/или состоятельных (зажиточных) слоев населения (хуторяне, отрубники, монашествующие, бывшие помещики и привилегированные категории) вписаться в новую советскую реальность. Но непримиримая позиция большевиков к классовым врагам в условиях политики военного коммунизма, а также неготовность на практике «новыми коммунарами» реализовать принципы совместной жизни и труда в коллективе способствовали очень быстрой ликвидации подобных коммун.

Более активное движение по созданию сельскохозяйственных коммун в Пермской губернии наблюдалось в период с поздней осени 1919 – весны 1920 г.[9]: так, в 1920 г. было образовано 88 коммун [Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 219. Л. 11]. Так же как и ранее, большинство коммун Пермской губернии в конце 1919–1920 гг. были организованы на некрестьянских землях: бывших помещичьих, казенных, церковных, частных. Данный факт является доказательством того, что крестьяне (речь идет о традици-

---

[8] Подобная ситуация наблюдалась и с другими коммунами. Так, например, Верхне-Давыдовская сельскохозяйственная трудовая коммуна Осинского уезда, зарегистрированная 27 сентября 1918 г. и получившая в пользование 144 дес. из «бывшей Лобановской дачи Голицина», окончательно так и не была оформлена (документы не были отправлены в Пермь, что произошло только в 1920 г.) [ГАПК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 219. Л. 16].

[9] Данный факт был обусловлен изменением политической обстановки в пользу большевиков, их планомерной агитацией по созданию коммунальных хозяйств с обещаниями поддержки (предоставлением коммунарам права выбора земельных участков, субсидий из миллиардного фонда [Гришаев, с. 69]), а также сложной экономической ситуацией.

онном крестьянстве) не готовы были идти по пути ломки сложившихся производственных отношений на своих землях. Но, как и в период проведения столыпинской реформы, были те, кто рассматривал политику государства как возможность увеличить и качественно улучшить свои производственные мощности. Были и те (хотя их было гораздо меньше), кто на практике хотел реализовать свои коммунистические идеалы. В этом случае они оставляли свои земли в общине и заявляли прошение о едином участке свободной земли бывших иных форм собственности.

В свою очередь заявление на участок земли для сельскохозяйственной коммуны очень часто вызывало недовольство населения окружающих деревень и сел и последующее разбирательство. Причиной являлось то, что в большинстве своем «все церковные, монастырские, помещичьи и казенные земли сельскохозяйственного назначения еще весной 1918 года были распределены среди населения» [Из протокола, с. 21]. Еще большее недовольство вызывало присутствие среди коммунаров пришлого элемента и представителей новой власти. В данном ключе интересно дело о наделении землей коммуны «Авангард коммунаров» Аспинской волости, Осинского уезда, устав которой был утвержден 23 февраля 1921 г.

Из данных по коммуне «Авангард коммунаров» следует, что организаторами явились лица, далекие от крестьянского труда и к тому же непосредственные представители новой власти[10]. Стоит предположить, что требование центральной власти об усилении пропаганды коммунального хозяйства, сложная продовольственная ситуация зимы 1920/1921 гг. и неготовность местного крестьянства к самостоятельной организации

[10] В постановлении коллегии Осинского уземотдела от 23 февраля 1921 г. звучало: «в состав сельскохозяйственной коммуны “Авангард коммунаров” вошли наполовину землеробы и часть служащих в числе 12 семей (17 трудоспособных, 22 едока)». Укажем состав этих служащих: 1. Качегин К. Г. (инициатор), 38 лет, родом из Калужской губернии, до Февральской революции – «технический металлургист», на момент организации коммуны – волостной организатор РКП(б) при с. Аспе. 2. Передернин, 28 лет, до событий октября 1917 г. «десятник при постройке железной дороги, фабрично-заводской рабочий», на момент организации коммуны – милиционер. 3. Шулятьев, 16 лет, рассыльный при исполкоме. 4. Кондратюк, 15 лет, письмоводитель. 5. Максимов Ф. Ф., 28 лет, ранее служил в губернском земстве, Красной Армии, на момент организации коммуны – учитель [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. . Д. 140. Л. 11, 1]. Сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря на все 12 семейств: 5 коров, 3 свиньи. Только у одного коммунара имелся дом в с. Аспе. Коммуной было заявлено требование на участок земли из бывших оброчных статей (казенные земли) в 200 дес.

коммун явились основными причинами появления коллектива. Несмотря на то, что предварительно Осинский уземотдел указал в регистрационных документах, что отвод земли коммуне будет в добровольном порядке, в процессе землеустройства появилось еще несколько претендентов на указанный участок земли[11].

По результатам обследования землемера Белова С. И. от 28 июня 1921 г. зав. Осинским уземотделом была вынесена резолюция: «1. О выделе земли коммуне отказать 2. Предложить другой участок». По нашему мнению, на это могло быть как минимум две причины. Первая: негодность участка для ведения рационального механизированного хозяйства, на чем настаивал землемер Белов[12]. Вторая: активное лоббирование своих интересов со стороны состоятельной части населения с. Аспы и д. Мизево. Последнее подтверждается тем, что все, вошедшие в сельскохозяйственную коммуну (а на 28 июня 1921 г.: 14 семейств, 23 трудоспособных,

---

[11] При последующей подготовке дела выяснилось, что заявленные земли находятся в пользовании жителей с. Аспе и частью дер. Мизево в течение «приблизительно 40 лет» (до 1917 г. – посредством аренды «в бывшей даче Департамента государственных имуществ»). Жители указанных поселений заявили протест об отводе коллективу участка на том основании, что сельскохозяйственная коммуна организуется слишком близко от них (около 1, 25 и 2 верст соответственно), что «часть их сенокошения отойдет в пользование коммуны», что участок когда-то был ими совместно расчищен из-под леса и приведен в культурный вид, и что, наконец, «им необходимо за счет спорного участка, как ближайшего фонда при будущем землеустройстве устроить в земельном отношении своих многочисленных необеспеченных землею членов общества». В результате местными жителями было предложено «предоставить коммуне земельный участок из своей надельной земли с краю последней в 5 верстах от с. Аспы близ д. Ключевой Гари той же волости». Коммунары отказались «по причине каменистости и неудобства почвы» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 140. Л. 21, 21 об.]. В большинстве подобных случаев в Центральной России победа в земельном споре одерживалась коммунарами из-за поддержи со стороны власти. Но в этом случае мы наблюдаем отход от генеральной линии партии и правительства по всемерной помощи новым коллективам.

[12] Белов указал в отчете: «отвод просимого участка нахожу недопустимым по причине изломанности границ, длинноземелья (около 2 верст при средней ширине 150–180 саженей) участка, нахождения в отводе лесных площадей, неудобного для сельскохозяйственного пользования рельефа местности и недостаточных совершенно не соответствующих местной норме и не обеспечивающих коллектив размеров земельной площади, которую по условиям расположения окружающего земельного запаса увеличить не представляется возможным» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 28, 30 об.]

39 едоков), входили в категорию «бедняки», из которых только 5 членов коммуны «пользовались землей на правах собственников-пользователей душевых наделов по 3 дес. на едока в среднем» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 28, 30 об.].

Еще одним типичным примером создания сельскохозяйственной трудовой коммуны пришлым, некрестьянским элементом служит Юго-Осокинская коммуна «Красное знамя труда». Она была организована 3 марта 1921 г. партийным активом волости. Среди членов коммуны, состоящей из 16 семей с 22 трудоспособными и 32 едоками, записаны 2 секретаря ячеек РКП(б), председатель исполкома, библиотекарь, сестра милосердия, волостной организатор и работница среди женщин, военный комиссар, ответственный секретарь бюро ячеек РКП(б), волостной уполномоченный и сотрудник упродкома. Родом все были из разных мест: Осинский уезд Пермской губернии, Московская, Пензенская, Псковская, Уфимская губернии, Эстония, г. Варшава. Главами 7 семей из 16 указаны женщины 20–27 лет[13].

Нам представляется, что идеологические и экономические причины образования коллектива присутствовали одновременно, сразу после регистрации на уездном уровне 17 марта 1921 г. было заявлено и об участке земли. Хотя, как свидетельствует Коллегия Уземотдела, коммуной «для ведения хозяйства испрашивается земля, но площадь и местонахождение ея не указано». Можно предположить, что организаторы не имели четкого представления о предстоящих мероприятиях, но имели указания сверху об увеличении числа коллективов в волости, а также стремление обеспечить себя местом жительства (недвижимого имущества не имели) и продовольствием. В результате им была выделена земля, но при инспектировании этого коллектива 20 мая 1921 г. землемером Пермского губземотдела Мехряковым «никого не оказалось». В последующем нами не было обнаружено каких-либо дополнительных материалов по деятельности этой коммуны, что свидетельствует о ее фиктивном характере.

Как и в целом по всем российским территориям, сроки существования коммун редко превышали 1–2 хозяйственных года. Итогом являлся

---

[13] Организатором сельскохозяйственной коммуны выступила секретарь райкома РКП(б) Иванова Татьяна Иосифовна, 24 лет, местная, замужем (муж 27 лет, родом из Псковской губернии, слесарь по профессии и отслуживший в рядах Красной Армии), причем главой семьи указана Татьяна Иосифовна. Отметим, что это единственный факт женской инициативы, который встретился нам при изучении сельскохозяйственных коммун на всей территории бывшей Российской империи.

распад или реорганизация. Задачи, ставившиеся государством и партией большевиков перед местными структурами, сводились к максимальной поддержке коммун, увеличению их срока жизнедеятельности. В письме заместителя заведующего обсельхоза Осинского уземотдела М. И. Сартычева от 17 июня 1920 г. к организатору Майдановской коммуны «Рассвет» Еловской волости, Осинского уезда читаем: «Усильте пропаганду и постарайтесь завербовать еще одно семейство. <…> Базируйтесь на том, что вам как организации сплоченной, работающей и пользующейся всеми средствами техники на общих началах, а не порознь, легче приобретать все машины, пользующиеся для той или иной работы, тем более в настоящее время в период развития обобществления есть большая помощь со стороны правительства. Этим нужно дорожить и стараться развивать и твердо верить в жизнь общественную. Только она, жизнь общественная, жизнь коммунами может вывести нас из настоящего тяжелого положения и облагородить нашего бедняка крестьянина и рабочего. Не стесняйтесь предоставлять смету с вашей потребностью как можно шире. Вам во многом и откажут, но все же будут иметь в виду вашу нужду и потребность. Товарищ Онорин, действуйте смелей и больше надежды на светлое будущее» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 121. Л. 6 – 6 об.].

Несмотря на подобные патетические речи, коммуну не удалось спасти от распада. 24 июня 1920 г. стало известно, что «в виду мобилизации организатора тов. Онорина на железную дорогу коммуна работу приостановила и отказывается от коммунистических начал из-за боязни контрреволюции» [Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 121. Л. 1]. Этот пример показывает еще одну особенность процесса создания и деятельности сельскохозяйственных коммун – огромную роль организаторского звена, которое проводило идеологическую работу. Там, где эта работа велась слабо или была сведена к формальности, изначально возникало много вопросов у членов коммуны, что существенно сокращало сроки жизни коллектива. При этом уточним, что, на наш взгляд, несмотря на поддержку государства и партии, значительную роль низового партийного аппарата в организации коммун, в большинстве коллективов экономические мотивы объединения преобладали над идеологическими, что в свою очередь и влияло на их небольшое время жизнедеятельности.

Рассмотрим основные причины кризиса коммун, результатом которого становились распад или реорганизация (смена состава, формы организации, присоединение к другому коллективу). Так члены коммуны «Студеные ключи» Альняшинской волости Осинского уезда (зарегистрирована 1 марта 1920 г.) к причинам перехода от коммунальной к артельной

форме хозяйства (протокол общего собрания от 17 февраля 1922 г.) отнесли: 1) «явление общий котел это отвратительное вещество», 2) «в виду заболевших людей самые ненавистные конфликты», 3) «командировки и особое отсутствие людей отражается великим международным злом» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 103. Л. 18 об.].

При обследовании сельскохозяйственной трудовой коммуны «Октябрьская» Верхне-Мулинской волости Пермского уезда[14] комиссией Губземуправления 13 февраля 1922 г. был сделан основной вывод: «коммуна разложилась нравственно» и требует срочного оздоровления. К причинам были отнесены:

– внутренние личные конфликты («полное разложение, травля членами один другого, перекоры»);

– безответственное отношение к труду («лень, … некоторые члены на прямом производстве коммуны совершенно не работают, а другие относятся “по казенному”»);

– плохие хозяйственно-бытовые условия («в комнатах грязь, печки отопляются ненормально за отсутствием дров, каковые коммунары по халатности не смогли осенью вывезти»);

– отсутствие делопроизводства («никаких определенных записей прихода-расхода, продовольствия фуража, денег, материалов нигде не велось и записывалось все на отдельных бумагах, хотя книг в канцелярии полно. Все документы, бумаги и переписка не были подшиты с 1919 г.»);

– слабая деятельность совета коммуны («Все Управление и никто не управлял») [Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 2, 2 об., 3, 3 об.].

Заметим, что, несмотря на всю неприкрытую убыточность предприятия, вопрос о его ликвидации старательно избегался, было принято решение об его сохранении через почти полное обновление состава. По сути это была ликвидация, сохранилось только название и часть материальных ресурсов. Окончательно коммуна под эти названием прекратила свое существование в начале 1925 г. [Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 11].

Рассмотрев в общих чертах особенности процесса создания сельскохозяйственных трудовых коммун в западной части уральского региона, мы установили наличие естественных границ в реализации комму-

[14] Зарегистрирована 8 декабря 1919 г., земельный участок 203 десятины из числа бывших церковных и частью надельных земель; 14 июля 1920 г. к ней была присоединена коммуна «Культура» (зарегистрирована 22 октября 1919 г.) той же волости через переселение членов последней и зачисление ее земли в запасной фонд волости [ГАПК. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 2].

нистического проекта (низкие количественные показатели из-за слабой активности местного крестьянства; краткие сроки существования хозяйств (1–2 хозяйственных года) из-за отсутствия необходимых навыков к крестьянскому труду в уральском регионе (инициаторами чаще всего выступали партийные, советские работники и/или мигранты), превалирования у коммунаров экономических оснований над идеологическими, а также неготовности к осуществлению утопических идеалов свободы, равенства и братства в рамках сознательного отказа от рыночных отношений). Кроме того, были выявлены механизмы адаптации концепта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» к реальным условиям жизни: наделение новыми смыслами (появление термина «госколхоз»), предоставление правовых, налоговых и финансовых льгот, активное использование административного ресурса для увеличения сроков существования хозяйств (в том числе через процедуру «оздоровления»: фактически сохранялось только название и место нахождения).

Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М, 1954.

Бухарин Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевиков). Пб., 1920.

ГАПК. Ф. Р-112 (Пермское губернское земельное управление при губернском исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь Пермской губернии) ; Ф. Р-113 (Пермское окружное земельное управление при Пермском окружном исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь Пермского округа Уральской области) ; Ф. Р-367 (Осинский уездный земельный отдел Осинского уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Оса Пермской губернии).

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.

Дышлер П. Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. М., 1918.

Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010.

Из протокола заседания общего собрания представителей Половодского, Городищенского, Усольского уездов Пермской губернии о работе в деревне от 19 апреля 1918 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 384. Л. 16–16 об. / «Под копытами красного коня»: социальная практика в аграрном секторе экономики Урала в 1917–1921 гг. : документы и материалы / сост., статья, предисл. и примеч. Р. А. Хазиева. Уфа, 2008.

Инструкции и положения о коммунах, изданные Народным комиссариатом земледелия. М., 1918.

Ленин В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX–LII). Издан под редакцией Фридриха Энгельса. Глава 47. Генезис капиталистической земельной ренты // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. Т. 25. Часть II. М., 1962. С. 344–379.

Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233 [Электронный ресурс]. URL: http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv (дата обращения: 20.08.2017).

Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1957. Т. 1. С. 407–419.

Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. / под ред. А. А. Биценко. М., 1924.

Сталин И. В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // И. В. Сталин. Сочинения : в 18 т. М., 1949. Т. 12. С. 191–199.

Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.

Якушев П. А. Из истории формирования советского законодательства 1918 года в области развития коллективного землепользования в РСФСР // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(15). Ч. 1. С. 219–223.

Якушев П. А. Организация и деятельность коллективных хозяйств крестьян Смоленской губернии в период Гражданской войны: ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

УДК 94(470.34).084.5:331.5.024.5

И. А. Соловьева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТРУД В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Статья посвящена анализу деятельности органов власти Вятской губернии по борьбе с безработицей в 1921–1928 гг. В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Кировской области. Автор рассматривает различные способы предоставления гражданам права на труд: трудоустройство безработных в разных отраслях хозяйства Вятской губернии и за ее пределами, организация коллективов безработных, поиск работы для нуждающихся подростков. В статье используются статистические данные, извлеченные из архивных документов.

© Соловьева И. А., 2017